

Тихомиров П. В. К столетию со смерти Канта (1804—1904):
[1. Личность Канта в изображении его современников] //
Богословский вестник 1904. Т. 1. № 2. С. 317—335 (2-я пагин.).
(Начало.)

КЪ СТОЛѢТІЮ СО СМЕРТИ КАНТА (1804—1904).

I.

Личность Канта въ изображеніи его современниковъ.

12 февраля 1804 года (по нов. стилю) въ Кенигсбергѣ скончался въ 80-лѣтнемъ возрастѣ знаменитый философъ *Иммануиль Кантъ*. Въ нынѣшнемъ 1904 году 12 февраля (по нашему старому стилю это будетъ 30 января) исполняется со дня его смерти ровно 100 лѣтъ. Весь образованный міръ по этому поводу считаетъ своимъ долгомъ нарочито вспомнить отнюдь, впрочемъ, и не забытаго, а продолжающаго во всей подобающей полнотѣ оказывать свое вліяніе на умы, отца новѣйшей философіи. Прежде всего, конечно, и въ наиболѣе грандіозныхъ размѣрахъ устраиваетъ рядъ разнообразныхъ юбилейныхъ празднествъ въ память Канта его отечество—Германія. Въ настоящую минуту (эти строки пишутся 10 янв. с. г.) трудно даже приблизительно сказать, чѣмъ именно и какъ почититъ нѣмецкій народъ память самага геніальнаго изъ творцовъ его духовной культуры. Мы знаемъ только, что во всѣхъ университетскихъ и многихъ не университетскихъ городахъ уже вырабатываются программы предстоящихъ Кантовскихъ торжествъ. Въ послѣднихъ примутъ участіе университеты, другія учебныя и учебныя учрежденія, города, общества и пр. Необъятная и теперь уже литература о Кантѣ станетъ еще обширнѣе;—нѣкоторыя новыя книги появляются уже и теперь. По инициативѣ Галльскаго университета основывается международное Кантовское общество, органомъ котораго станутъ извѣстныя „Kantstudien“. Но и въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, насколько намъ извѣстно, этотъ Кантовскій

юбилей тоже не остается не отмѣченнымъ. Университеты, ученія общества и философскіе журналы разныхъ странъ уже готовятся къ нему. Спрашивать о томъ, насколько Кантъ заслуживаетъ такого всемірнаго юбилея, было бы болѣе чѣмъ странно. Въ настоящее время все, что имѣеть хотя-бы отдаленную связь съ философіей, частію обусловлено, — прямо или косвенно, положительно или отрицательно, — Кантомъ, частію-же, во всякомъ случаѣ, стоитъ къ нему въ какомъ-либо отношеніи. Что-же касается насъ русскихъ, то для насъ Кантъ имѣеть почти такое-же значеніе, какъ и для нѣмцевъ, потому что и господствующая у насъ доселѣ философія-то есть почти исключительно нѣмецкая. И для насъ 30 января (12 февраля) нравственно обязательно вспомнить великаго Канта и его безсмертное дѣло!

Въ Европѣ уже праздновали однажды Кантовскій юбилей. Это было въ 1881 году, когда исполнилось сто лѣтъ со времени выхода перваго изданія „Критики чистаго разума“, главнаго произведенія Канта. И тогда появилось чрезвычайно много крупныхъ изслѣдованій, мелкихъ рефератовъ и журнальныхъ статей о Кантовой философій, освѣщающихъ ее съ самыхъ различныхъ сторонъ. Есть-ли и должна-ли быть какая-нибудь разница между этимъ юбилеемъ и празднуемымъ въ нынѣшнемъ году? Съ формальной стороны такую разницу указать очень легко: въ 1881 году праздновалось столѣтіе Кантовской философій или, по крайней мѣрѣ, ея главнаго ядра („Кр. ч. р.“); въ нынѣшнемъ-же 1904 году истекаетъ сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ творецъ той философій сошелъ въ могилу;—если, слѣдовательно, тогдашняя юбилейная литература посвящена была преимущественно философій Канта, то теперь она должна заняться главнымъ образомъ личностью самого Канта;—вѣдь юбилей его философскихъ трудовъ уже всѣ давно прошли, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до смерти Кантъ уже пересталъ приготавливать что-либо изъ своихъ работъ для печати, и послѣднія по времени появленія въ свѣтъ его сочиненія изданы уже другими лицами. Но съ принципиальной точки зрѣнія подобнаго рода отдѣленіе личности отъ ея дѣла не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ вѣдь и интересуемся-то мы Кантомъ только потому, что онъ написалъ свои безсмертныя философскія творенія, а безъ этого онъ былъ-бы забытъ

всего черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ послѣ своей смерти;—безспорно поэтому, что и юбилейная литература нынѣшняго года должна быть (да, конечно, и будетъ) посвящена главнымъ образомъ тоже Кантовой философіи;—личностью Канта будутъ интересоваться въ той мѣрѣ, въ какой она объясняетъ его міровоззрѣніе и проливаетъ свѣтъ на особенности его философіи. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что такое утилитарное и, можно сказать, эгоистическое отношеніе къ Канту,—только какъ къ элементу и фактору современной умственной культуры, который надо понять и оцѣнить, чтобы лучше использовать,—было-бы не вполне справедливымъ, по крайней мѣрѣ, съ нравственной точки зрѣнія. Чувство благодарности и симпатіи даже къ дѣятелямъ отдаленнаго прошлаго отнюдь не есть фикція. Оно не можетъ быть такъ живо и интенсивно, какъ въ отношеніи къ лично извѣстнымъ намъ людямъ; но если человѣчество окончательно утратитъ способность къ нему и перестанетъ его понимать, то это будетъ только крупнымъ шагомъ въ сторону этического матеріализма, т. е. послужитъ не къ чести человѣчества, и понятіе „благодарнаго потомства“, сдѣлавшись архаическимъ и смѣшнымъ выраженіемъ, въ то-же время будетъ звучать и вѣчнымъ упрекомъ для тѣхъ, кому оно стало смѣшно... Вотъ почему во главѣ своихъ скромныхъ этюдовъ по поводу наступающаго Кантовскаго юбилея мы сочли вполне уместнымъ помѣстить нѣсколько словъ о личности Канта и притомъ—безъ нарочитаго намѣренія пролить чрезъ это какой-либо новый свѣтъ на генезисъ его философіи, а единственно съ тою цѣлью, чтобы дать возможность любителямъ и почитателямъ этой философіи взглянуть на Кенигсбергскаго мудреца не изъ столѣтняго далека, не чрезъ призму накопившихся въ теченіе вѣка вокругъ его имени разнородныхъ историческихъ, положительно-философскихъ, полемическихъ, этическихъ, политическихъ и мн. др. интересовъ, а непосредственно, какъ-бы переносясь къ его гробу, у котораго друзья покойнаго и близко знавшіе его люди дѣлятся своими воспоминаніями о немъ и своими впечатлѣніями отъ него. Дальнѣйшіе-же наши очерки будутъ касаться уже философіи Канта и ея значенія для насъ.

Въ 1804 году, т. е. въ самый годъ смерти Канта, въ Ке-

нигсбергъ издаваны были три книги, содержащія біографію и характеристику покойнаго философа и написанныя близко знавшими его людьми. Авторомъ первой былъ *Р. В. Яхманъ*, директоръ педагогическаго института въ Іенкау близъ Данцига. Его личное обращеніе съ Кантомъ продолжалось въ теченіе десяти лѣтъ съ 1784 по 1794 г. Онъ былъ ученикомъ Канта и его „*amanuensis*“ или „*famulus*“¹⁾. Какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, онъ стоялъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ философу и часто имѣлъ случай наблюдать послѣдняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ его жизни. Онъ имѣлъ во всякое время дня доступъ въ домъ къ Канту, принималъ участіе въ его званныхъ обѣдахъ, а равно и былъ приглашаемъ въ общество, гдѣ бывалъ Кантъ. Что онъ правильно понималъ Канта, объ этомъ онъ самъ заключаетъ изъ обращенной къ нему послѣднимъ за четыре года до своей смерти просьбы — написать его біографію. Книга его изложена въ формѣ 18 писемъ къ какому-то его другу и озаглавляется: „*Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund von Reinhold Bernhard Jachmann*“. Она носитъ эпиграфъ: „*nil majus generatur ipso, nec viget quidquam simile aut secundum*“. Вторымъ біографомъ является *Л. Э. Боровскій*, архіепископъ Прусскій²⁾. Онъ былъ слушателемъ Канта въ самые первые годы его преподаванія въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Потомъ въ бытность свою Кенигсбергскимъ городскимъ пасторомъ онъ сблизился съ нимъ и въ 1792 г. составилъ его біографическій очеркъ для реферата въ К—скомъ нѣмецкомъ обществѣ. Этотъ очеркъ онъ далъ на просмотръ самому Канту

1) *Famulus* въ прежнее время назывался въ нѣм. университетахъ студентъ или молодой докторъ, прислуживавшій изв. профессору при его лекціяхъ, исполнявшій разныя его порученія и бывшій его посредникомъ въ сношеніяхъ съ студентами—по распредѣленію мѣстъ въ аудиторіи, по выдачѣ разнаго рода свидѣтельствъ и т. п. Теперь *famuli* — явленіе сравнительно рѣдкое, но всетаки встрѣчаются.

2) Людвигъ Эрнстъ фонъ Боровскій — единственный евангелической архіепископъ въ Германіи (род. 1740 г. 17 іюня въ Кенигсбергѣ, ум. 1831 г. 9 ноября); — началъ свою карьеру полковымъ священникомъ въ 1762 г., потомъ былъ съ 1770 г. городскимъ пасторомъ въ Кенигсбергѣ, въ 1809 г. произведенъ въ званіе оберконсistorіальрата, въ 1812 г. — генераль-суперинтендентъ, въ 1816 получилъ титулъ епископа и, наконецъ, въ 1829 г.—евангелическаго архіепископа.

съ просьбой провѣрить. Кантъ прочиталъ и сдѣлалъ на поляхъ рукописи нѣкоторыя поправки; но, возвращая ее автору, просилъ (письменно) до его смерти не дѣлать изъ этой біографіи никакого публичнаго употребленія. Очеркъ этотъ, съ указаніемъ сдѣланныхъ Кантомъ поправокъ, и вошелъ въ составъ изданной Боровскимъ въ 1804 г. книги въ качествѣ ея первыхъ трехъ главъ. Въ двухъ-же остальныхъ главахъ (она вся состоитъ изъ 5 главъ) онъ даетъ частію дополненія и иллюстраціи къ своему предшествующему изложенію, частію-же касается такихъ предметовъ, которые неудобно было трактовать въ рукописи, представлявшей самому Канту (напр., свои личныя впечатлѣнія, нѣкоторыя анекдотическія происшествія и т. п.). Здѣсь-же говорить онъ объ отношеніи Канта къ религіи, о его смерти и погребеніи. Книга Боровскаго озаглавляется: „*Darstellung des Lebens und Characters Immanuel Kants von Ludwig Ernst Borowski*“. Наконецъ, авторомъ третьей изъ упомянутыхъ книгъ является Э. А. Х. Васьянскій, діаконъ при одной изъ Кенигсбергскихъ церквей. Васьянскій поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ въ 1772 г. на медицинскій факультетъ, но потомъ перешелъ на богословскій (въ 1773 или 1774 г.,—этого онъ самъ точно не помнитъ). Кантъ сдѣлалъ его своимъ „amanuensis“ и дозволилъ бесплатно слушать свои лекціи, вслѣдствіе чего В. оказался въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ профессоромъ, чѣмъ другіе студенты. Это продолжалось до 1780 г., когда В. окончилъ курсъ и поступилъ на службу — сначала канторомъ, а потомъ діакономъ. Въ теченіе 10 лѣтъ затѣмъ, до 1790 г., знакомство его съ Кантомъ не поддерживалось, а въ этомъ году они случайно встрѣтились на свадьбѣ у одного профессора. Здѣсь они разговорились, вспомнили старину, Кантъ попросилъ проводить его до дому и пригласилъ бывать у себя. Послѣ того онъ сталъ часто звать своего бывшего ученика къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ другими своими друзьями, при чемъ убѣдился въ его большихъ хозяйственныхъ способностяхъ. Когда въ 1794 г. Яхманъ, помогавшій обыкновенно Канту въ различныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ,—напр., при переѣздкѣ съ квартиры на квартиру, при наймѣ новой прислуги и т. п.,—уѣхалъ изъ Кенигсберга, Кантъ попросилъ Васьянскаго, жившаго неподалеку отъ его дома, взять на

себя общее завѣщываніе его хозяйствомъ и имуществомъ. Васьянскій при этомъ приобрѣлъ его неограниченное довѣріе. Въ послѣдніе годы жизни Канта онъ сталъ ежедневнымъ его компаньономъ, организовалъ уходъ за нимъ и послѣ его смерти, по его духовному завѣщанію, былъ душеприкащикомъ и исполнителемъ послѣдней воли покойнаго. Свои воспоминанія Васьянскій озаглавилъ: „*Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beitrag, zur Kenntnis seines Characters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm von E. A. Ch. Wasianski*“.

Какъ видимъ, всѣ три книги, уже вслѣдствіе личныхъ отношеній ихъ авторовъ къ Канту и своего появленія въ самый годъ его смерти, должны представлять высокій интересъ свѣжестью и непосредственностью своихъ сообщеній и характеристикъ. Это—не научно обработанныя біографіи, а живыя воспоминанія. Само собою понятно, что для послѣдующихъ научныхъ обработокъ они должны имѣть значеніе главныхъ первоисточниковъ и дѣйствительно имѣютъ такое. Лучшія изъ извѣстныхъ намъ жизнеописаній (Куно Фишера, Паульсена и др.) большинство своихъ фактовъ и данныхъ черпаютъ именно отсюда. Другіе источники даютъ біографическаго матеріала сравнительно гораздо меньше. Мы, предполагая познакомить читателей съ изображеніемъ личности Канта въ этихъ первоисточникахъ, отнюдь не собираемся дать новую обработку его біографіи,—для этого намъ нельзя было-бы ограничиться только этими источниками, не смотря на всю ихъ важность,—а хотимъ именно воспроизвести (конечно, въ очень сокращенномъ и неполномъ видѣ) ихъ отзывы, сужденія, характеристики и сообщенія, ничего къ нимъ не прибавляя и, по возможности, воздерживаясь отъ комментаріевъ. Это ближе всего будетъ соответствовать намѣченной нами выше задачѣ воздать дань благодарнаго вниманія личности Канта независимо отъ тѣхъ или иныхъ историко-философскихъ и утилитарныхъ интересовъ. Но мы не думаемъ, чтобы, давая такое изолированное воспроизведеніе, мы ужъ ровно ничего не дѣлали тѣмъ самымъ въ интересахъ критической обработки Кантовскаго біографическаго матеріала. Какъ всякая изоляція изучаемаго явленія помогаетъ лучше опредѣлить его свойства, такъ, полагаемъ мы, и наше непредзанятое воспроизведеніе

существеннаго содержанія каждой изъ разсматриваемыхъ книгъ, есть, во всякомъ случаѣ, шагъ къ критической ихъ оцѣнкѣ. Мы легче потомъ можемъ судить о тенденціяхъ cadaго автора, о степени правильности въ его пониманіи Канта и т. п. А книги Яхмана, Боровскаго и Васьянскаго, безспорно, заслуживаютъ внимательнаго и разносторонняго изученія,—конечно, въ виду важности ихъ предмета. Наконецъ, въ 1904 году вѣдь и онѣ переживаютъ свой столѣтній юбилей ¹⁾).

1.

Яхманъ, какъ мы сказали, ведетъ свое изложеніе въ формѣ писемъ. Первое письмо, какъ и слѣдовало ожидать, открывается выраженіемъ чувствъ по поводу смерти Канта. „Мой дорогой другъ,—пишетъ авторъ,—извѣстіе о смерти моего великаго учителя и друга, конечно, потрясло меня, хотя упадокъ его силъ въ послѣдніе годы его жизни не только подготовилъ меня и cadaго другаго изъ его почитателей къ предстоящему концу, но даже дѣлалъ таковой и для него, и для насъ желательнымъ и т. д.“ (SS. 3—4). Сказавъ далѣе о томъ, что Кантъ былъ „великій и замѣчательный человѣкъ“, „безсмертный философъ, ученый и писатель“, и что весьма было-бы желательно, чтобы его „въ той-же мѣрѣ любили и цѣнили, какъ учителя и человѣка, въ какой удивляются ему и почитаютъ его, какъ философа“, Яхманъ находитъ въ этомъ для себя достаточное побужденіе дать по-

¹⁾ Первоначальныя ихъ изданія стали теперь уже библиографической рѣдкостью. Поэтому нѣкто *Alfons Hofmann* въ Галле переиздалъ ихъ всѣ въ одной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: „*Inmanuel Kant. Ein Lebensbild nach Darstellungen seiner Zeitgenossen Jachmann, Borowski und Wasianski. Halle a. S. 1902. SS. XIV+442.* Книга Яхмана занимаетъ здѣсь стр. 1—148, Боровскаго 149—280 и Васьянскаго 281—432. Изданы онѣ Гофманомъ почти безъ всякихъ перемѣнъ. Послѣднія коснулись только нѣсколько устарѣвшаго правописанія (замѣненнаго современнымъ) и нѣкоторыхъ малоупотребительныхъ иностранныхъ словъ (замѣненныхъ вѣмецкими). Что-же касается сокращеній, то собственно въ текстѣ ихъ нѣтъ; отброшены только длинныя предисловія авторовъ и приложенія къ книгѣ Боровскаго (кромя № 6, которому самъ Кантъ придавалъ особенное значеніе), не представляющія цѣнности для пониманія личности Канта, его развитія и его ученой и профессорской дѣятельности (Vgl. Vorrede des Herausgebers, SS. VIII—IX).

сильное изображеніе личности покойнаго,—его характера, привычекъ и жизненныхъ отношеній (S. 4). При этомъ онъ торжественно завѣряетъ своего друга, которому пишетъ: „все, что Вы прочитаете въ этихъ моихъ письмахъ, я слышалъ изъ устъ самого Канта и имѣлъ возможность наблюсти и узнать при моемъ близкомъ дружескомъ общеніи съ нимъ“. Что касается формы этихъ сообщеній, то въ интересахъ правдивости и вѣрности предмету, авторъ отказывается отъ какой-либо методической и систематической обработки, предоставляя это будущему біографу, а желаетъ дать простыя, хотя, можетъ быть, и нѣсколько отрывочныя воспоминанія (SS. 4—5). На самомъ дѣлѣ однако въ его письмахъ есть планъ и предметный распорядокъ, хотя и не особенно строгій и послѣдовательный.

Предметомъ 1-го письма является юность Канта. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ—очень скудны, потому что Кантъ, какъ замѣчаетъ авторъ, „повидимому, намѣренно избѣгалъ подробныхъ разговоровъ о своей юности и только случайно дѣлалъ иногда объ этомъ то или иное сообщеніе“ (S. 5). Кантъ родился 22 апрѣля 1724 г. въ Кенигсбергскомъ предмѣстьѣ близъ Заттлерштрассе отъ родителей, принадлежавшихъ къ низшему мѣщанскому сословію. Отецъ его Іоганнъ Георгъ Кантъ по ремеслу былъ шорникъ (ременныхъ дѣлъ мастеръ) родомъ изъ Мешеля. Предки-же его съ отцовской стороны были выходцами изъ Шотландіи. Мать Канта называлась Регина Доротея, урожд. Рейтеръ. Родители Канта вступили въ бракъ въ 1715 г. и имѣли всего 6 человекъ дѣтей,—четыреихъ дочерей и двухъ сыновей. Первымъ ихъ ребенкомъ была дочь; умершая въ молодыхъ годахъ, а вторымъ сынъ Иммануиль—нашъ философъ. Братъ его, умершій нѣсколько ранѣе Иммануила, былъ самымъ младшимъ въ семьѣ; онъ былъ пасторомъ въ Курляндіи. Сестры вышли замужъ за Кенигсбергскихъ мѣщанъ. Мать умерла въ 1737 г. (когда Иммануилу было 13 лѣтъ), а отецъ—въ 1746 г. Дядя его съ материнской стороны по имени Рихтеръ (?), зажиточный сапожникъ, еще при жизни родителей помогалъ ему матеріально въ школьныя и студенческія годы и при его магистерской промоціи (SS. 5—6). Первоначальное образованіе Кантъ получилъ сначала въ городскомъ училищѣ, а потомъ посѣщалъ Collegium Fridericianum, во

главѣ котораго, въ качествѣ инспектора, стоялъ извѣстный пѣтистъ Шиффертъ. Изъ этого послѣдняго заведенія въ 1740 г. К. и перешелъ въ университетъ. Воспитаніе какъ въ родительскомъ домѣ, такъ и въ школѣ было всецѣло пѣтистическимъ. Кантъ часто вспоминалъ и хвалилъ это пѣтистическое воспитаніе, приписывая ему, на основаніи своего личнаго опыта, большое вліяніе на сердце и нравственность въ смыслѣ гарантированія отъ порочныхъ увлеченій (S. 6). Какъ мальчикъ, онъ былъ довольно разсѣянъ и забывчивъ. Однажды, какъ онъ самъ рассказываетъ, по дорогѣ въ школу онъ заигрался на улицѣ съ однимъ товарищемъ, а книги отложилъ къ сторонкѣ на землю. Отправляясь затѣмъ въ школу, онъ совершенно забылъ о нихъ и вспомнилъ уже только тогда, когда онѣ ему понадобились для употребленія, за что, конечно, подвергся наказанію. Съ другой стороны, тогда-же онъ обнаруживалъ иногда и большое присутствіе духа и сообразительность. Вздумавъ однажды перейти по одной перекладинѣ, положенной чрезъ наполненную водой канаву и сдѣлавъ всего нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что перекладина страшно качается подъ его ногами. Ни стоять на мѣстѣ, ни вернуться назадъ было невозможно безъ риска свалиться въ воду. Тогда онъ, устремивъ глаза на противоположный берегъ и не смотря себѣ подъ ноги, быстро побѣжалъ по перекладинѣ и благополучно достигъ твердой земли (S. 7). Учился онъ въ своей коллегіи хорошо, но—не настолько, чтобы его учителя могли провидѣть въ немъ будущую знаменитость (S. 8).

Письмо 2-ое представляетъ *продолженіе біографіи*. Въ университетѣ наибольшее вліяніе имѣлъ на Канта профессоръ Кнутценъ, бывшій по словамъ Яхмана, вообще очень популярнымъ и извѣстнымъ въ университетскихъ и ученыхъ кругахъ. Какой планъ занятій избралъ себѣ К. въ ун—тѣ, это ни Яхману, ни другимъ его друзьямъ не удалось узнать. Не могъ этого сообщить ему и извѣстный университетскій другъ К—а, съ которымъ они были на „ты“, докторъ Труммеръ. Можно только приблизительно сказать, что онъ штудировалъ преимущественно т. н. „*humaniora*“—математику, философію и латинскихъ классиковъ; изъ послѣднихъ онъ потомъ даже въ глубокой старости цитировалъ часто по памяти цѣлыя довольно длинные отрывки (S. 9). По окончаніи

университетскаго курса, онъ взялъ мѣсто домашняго учителя въ семействѣ помѣщика Гиллезена въ Арнсдорфѣ близъ Морунгена. Въ Кенигсбергъ онъ возвратился только черезъ 9 лѣтъ послѣ того для занятія приватдоцентуры. О своемъ домашнемъ учительствѣ онъ любилъ потомъ шутить и увѣрялъ, что, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ не было худшаго гувернера, чѣмъ онъ;—ему никогда не удавалось приспособиться къ дѣтскому пониманію (SS. 9—10). Сдѣлавшись приватдоцентомъ (съ 1755—56 уч. года), Кантъ пробылъ въ этомъ званіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, до 1770 г., когда, наконецъ, получилъ ординатуру—сначала по математикѣ, а потомъ перешелъ на логику и метафизику. Въ качествѣ приватдоцента, онъ получалъ крайне ничтожный доходъ отъ своихъ лекцій и долженъ былъ очень экономить въ расходахъ, чтобы не впасть въ нужду. Скопивши, тѣмъ не менѣе, себѣ при этихъ условіяхъ 20 фридрихсдоровъ (повидимому, около 155 руб. на наши теперешнія деньги), онъ рѣшилъ не прикасаться къ этой суммѣ, а беречь ее на случай болѣзни, и исполнилъ свое рѣшеніе, хотя одно время его заработки были такъ ничтожны, что онъ вынужденъ былъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ нуждъ распродать понемногу свою довольно значительную библіотеку. Приобрѣтенная имъ уже въ это время слава выдающагося математика и натурфилософа доставила ему предложеніе отъ имени Фридриха В. ординарной профессуры въ Галле вмѣстѣ съ чиномъ тайнаго совѣтника; но онъ отклонилъ его, не желая оставлять Кенигсбергскаго университета (SS. 10—11).

Письмо 3-е содержитъ характеристику *умственныхъ способностей* Канта. Онъ обладалъ, по наблюденіямъ Яхмана, рѣдкой памятью словъ и предметовъ и удивительною силою воображенія. Эти способности онъ сохранилъ во всей полнотѣ до своего 70-лѣтняго возраста. Онъ безошибочно цитировалъ по памяти длинныя отрывки изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ. Такъ-же твердо помнилъ онъ и разныя историческія и географическія подробности. Однажды онъ съ такою технической точностью и подробностью описалъ Вестминстерскій мостъ, что присутствовавшій при этомъ англичанинъ, уроженецъ Лондона, спросилъ его, сколько лѣтъ онъ прожилъ въ Лондонѣ и не архитекторъ-ли онъ по профессіи; между тѣмъ Кантъ ни разу не выѣзжалъ изъ Прус-

сін и архитектурой не занимался. Другой подобный-же случай былъ съ описаніемъ Италіи. Будучи 60 лѣтъ, онъ занялся химіей и приобрѣлъ такія точныя знанія, что знаменитый химикъ того времени Гагенъ былъ прямо изумленъ и считалъ непостижимымъ, какъ можно однимъ чтеніемъ, безъ помощи наглядныхъ экспериментовъ достигнуть такихъ совершенныхъ познаній (SS. 14—15). Затѣмъ Яхманъ отмѣчаетъ чрезвычайную способность анализировать всякія понятія и вскрывать ошибку въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ разсужденіяхъ, тогда какъ способность комбинировать понятія и давать отсюда положительное построеніе была слабѣе (SS. 15—16). Отъ этого отзыва,—прибавимъ мы,—нашъ біографъ могъ-бы и воздержаться, такъ какъ въ первой своей части онъ является лишь общимъ мѣстомъ, а во второй довольно рискованнымъ, чтобы не сказать болѣе. Гораздо удачнѣе слѣдующее указаніе—на оригинальность Кантовскаго мышленія, при чемъ Яхманъ разумѣетъ подъ этимъ его малую способность понимать чужіе философскіе взгляды. Способность эта становилась все меньше, чѣмъ болѣе онъ проникался своими собственными идеями, „такъ что подъ конецъ Кантъ не понималъ почти никого другого, кромѣ самого себя“. „Для него не было ничего труднѣе, какъ вникнуть въ чужую (философскую) систему. Сочиненія своихъ противниковъ онъ понималъ только съ величайшимъ трудомъ... Онъ сознавался въ этомъ самъ и обыкновенно поручалъ чтеніе подобныхъ сочиненій своимъ друзьямъ“, которые и должны были потомъ дѣлать ему сообщенія о прочитанномъ и сопоставлять чужіе взгляды съ его собственными (S. 17). Другія подробности, какими Яхманъ характеризуетъ умъ Канта, высказываются частію голословно, а частію довольно невразумительно (преобладаніе разсудка и разума надъ силой сужденія, остроуміе) (SS. 18—19).

Въ 4-мъ письмѣ Кантъ выступаетъ предъ нами, какъ профессоръ. Кантъ читалъ много лекцій (не менѣе 12 въ недѣлю) и по разнымъ предметамъ. Кромѣ обязательныхъ лекцій (т. н. „öffentliche Vorlesungen“) на философскомъ факультетѣ,—обыкновенно по логикѣ и метафизикѣ, а когда до него доходила очередь, то и по педагогикѣ,—онъ читалъ частныя курсы по физикѣ, естественному праву, морали, рациональной теологіи, антропологіи и физической геогра-

фии (въ послѣдніе годы значительно меньше) (SS. 19—20). Лекціи свои онъ обыкновенно читалъ по утрамъ отъ 7 до 9 ч., а по субботамъ отъ 8 до 10 ч., такъ какъ отъ 7 до 8 ч. занимался репетиціями. Къ лекціямъ своимъ онъ относился чрезвычайно аккуратно; Яхманъ сообщаетъ, что за все время, какое онъ помнитъ, Кантъ не пропустилъ ни одной лекціи. Читалъ онъ обыкновенно безъ тетрадки. По философіи въ университетѣ были введены учебники—по логикѣ Мейера, а по метафизикѣ Баумгартена. Кантъ держался этихъ учебниковъ только въ порядкѣ своего учебнаго матеріала, обработку-же давалъ ему совершенно самостоятельную и очень часто въ духѣ противоположномъ учебнику. Физику онъ читалъ по Эркслебену, а по прочимъ предметамъ составлялъ свои собственные курсы (SS. 20—21). Говоря собственно о манерѣ чтенія, Яхманъ находитъ, что Кантовы лекціи нельзя было назвать легкими для пониманія. Послѣднее затруднялось еще тѣмъ, что онъ нерѣдко уклонялся отъ темы и, когда видѣлъ это, возвращался къ ней посредствомъ неожиданнаго замѣчанія: „in summa, Милостивые Государи!“ Во время лекціи онъ обыкновенно упорно смотрѣлъ на какого-либо одного близъ сидящаго студента, при чемъ какая-нибудь необычность въ костюмѣ или наружности послѣдняго (оторванная пуговица, такъ называемая тогда „гениальная внѣшность“ — напущенные на лобъ длинные волосы, голая шея, открытая грудь) уже разстраивала его мысли, и онъ начиналъ путаться и сбиваться (SS. 22. 25). Къ студентамъ онъ относился съ любовью и всегда сочувствовалъ проявленіямъ ихъ юношеской живости и либерализма. Студенчество онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ классовъ общества и потому, напр., былъ крайне недоволенъ, когда нѣкоторые студенты начинали въ манерахъ и костюмѣ подражать приказчикамъ (S. 26). Впослѣдствіи, въ качествѣ декана философскаго факультета, онъ былъ строгимъ экзаменаторомъ, но никогда не предъявлялъ къ экзаменуемымъ непомѣрныхъ требованій. Былъ онъ и ректоромъ. Въ этой должности онъ зарекомендовалъ себя, какъ отечески снисходительный начальникъ (SS. 27—28).

5-ое письмо изображаетъ Канта, *какъ ученаго*. Для насъ это письмо въ настоящемъ случаѣ не представляетъ большого интереса, тѣмъ болѣе, что авторъ и не говоритъ здѣсь

чего-либо такого, что мы гораздо лучше его не могли-бы видѣть изъ собственныхъ сочиненій Канта.

Наибольшій интересъ представляютъ 6-ое и 7-ое письма, рисующія *нравственный характеръ* Канта. Прирожденными свойствами его сердца были, по словамъ Яхмана, благородство, доброжелательность, любезность и дружелюбіе. Но онъ и сознательно много трудился надъ выработкой своего нравственного характера. Настроеніе у него по большей части было радостное и веселое. Даже когда его отрывали отъ серьезной и важной работы, онъ никогда не обнаруживалъ угрюмости или кислаго настроенія. Аффектамъ онъ вообще поддавался очень трудно, „его духъ былъ почти всегда самъ себѣ равенъ“. Раздражить его могло только упорное противорѣчіе собесѣдника и еще скорѣе прислуги; но и тутъ онъ быстро успокаивался (SS. 33—34). Къ людямъ ко всѣмъ онъ относился одинаково просто и участливо, не различая званія, состоянія и національности. „Достаточно было быть только человѣкомъ, чтобы встрѣтить въ немъ участливаго совѣтника и помощника“. Яхманъ называетъ это „истиннымъ и подлиннымъ чувствомъ своего мірового гражданства (wahrer und echter Weltbürgersinn)“ (S. 35). Заботливость его о томъ, чтобы ни для кого не стать причиной зла, доходила иногда до смѣшного. Однажды во время обѣда съ гостями слуга его разбилъ стаканъ. Кантъ сейчасъ-же велѣлъ собрать всѣ осколки на тарелку и поставить передъ собой. Послѣ обѣда онъ объявилъ своимъ гостямъ, что не довѣряетъ слугѣ выбросить осколки въ безопасное мѣсто и предложилъ всѣмъ сообща отыскать таковое. Долго они ходили по саду и искали,—Канту все казалось, что гдѣ-бы осколки ни выбросили, они могутъ кому-нибудь повредить. Наконецъ выбрали мѣсто у старой стѣны, вырыли тамъ глубокую яму и торжественно погребли въ ней останки стакана (S. 36). Отмѣчаетъ затѣмъ Яхманъ и его трогательную любовь къ дѣтямъ, проявлявшуюся при всякомъ случаѣ и между прочимъ, на примѣръ, въ семействѣ его друга Мотерби или по отношенію къ маленькимъ племянникамъ и племянницамъ самого Яхмана. Кантъ былъ радъ, когда къ нему приходили дѣти, и охотно дѣлалъ имъ разные маленькіе подарки (S. 37). Глубокой правдивостью Канта объясняетъ его біографъ отвращеніе его ко всякаго рода тщеславію, изысканности и

аффектаціи. Особенно сильно негодовалъ онъ, когда имъ самимъ хотѣли воспользоваться, какъ средствомъ для удовлетворенія тщеславія. Но, съ другой стороны, не любилъ онъ также и аффектированной скромности, особенно, когда она переходила въ неряшливость (напр., въ одеждѣ). Въ юношахъ онъ даже находилъ умѣстной нѣкотораго рода свѣтскость и съ этою цѣлью совѣтовалъ своимъ молодымъ друзьямъ при всякой возможности пользоваться обществомъ образованныхъ женщинъ. Послѣднее онъ считалъ единственнымъ средствомъ для смягченія и облагороженія нравовъ. Изысканной и напыщенной рѣчи онъ прямо не переносилъ и избѣгалъ разговаривать съ такими людьми (SS. 41—42).

Въ сужденіяхъ о самомъ себѣ Кантъ всегда былъ скромнень, а о другихъ, не исключая и своихъ противниковъ, отзывался всегда съ подобающимъ почтеніемъ и полнымъ безпристрастіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ весьма опредѣленнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ и значенія и большой чувствительностью какъ къ оказываемому ему вниманію, такъ и къ проявляемому пренебреженію. Знаки вниманія со стороны разныхъ ученыхъ и высокихъ особъ видимо очень его интересовали. Такъ на него произвело большое впечатлѣніе, что Фридрихъ Вильгельмъ II послалъ къ нему профессора Кизеветтера для ознакомленія съ его устнымъ преподаваніемъ, а князь-епископъ Вюрцбургскій на свой счетъ отправилъ въ Кенигсбергъ проф. Рейса переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ предметахъ его философіи.

Столь-же лестно было ему и вниманіе министровъ фонъ Цедлица, фонъ Шреттера, фонъ Массова, канцлера фонъ Шреттера и другихъ подобныхъ особъ. Но и вниманіе его учениковъ,—въ формѣ, напр., привѣтственной депутаціи съ рѣчью,—трогало его очень сильно. Привѣтствіе въ стихахъ съ 66 днемъ рожденія, поднесенное Яхманомъ и проф. Кизеветтеромъ, очень его обрадовало (SS. 44—45). Съ другой стороны, и пренебреженіе сильно задѣвало его гордость, и онъ въ этихъ случаяхъ не стѣснялся открыто обнаруживать свое неудовольствіе. Графъ фонъ С., недовольный однимъ сочиненіемъ Канта, когда пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, не сдѣлалъ ему визита. Хозяинъ того дома, гдѣ остановился графъ, рѣшилъ созвать для него лучшее Кенигсбергское общество и пригласилъ, между прочимъ, Канта. Но послѣд-

ній прямо заявилъ, что если графъ С. не сдѣлаетъ ему визита, онъ не пойдетъ;—и дѣйствительно не пошелъ (S. 46). Самостоятельность и независимость считалъ онъ основой всякаго жизненнаго счастья. Поэтому, напр., онъ принципиально избѣгалъ долговъ. Въ годы его приватдоцентства его единственный сюртукъ такъ износился, что нѣкоторые его зажиточные друзья сочли необходимымъ очень осторожно предложить ему денегъ на новую одежду. Кантъ и въ старости еще выражалъ радость, что имѣлъ тогда достаточно силы оказаться отъ этого предложенія. „Съ спокойнымъ и радостнымъ сердцемъ могъ я всегда сказать—*herein!* если стучали въ мою дверь, потому что я вѣрно зналъ, что за дверью не стоитъ кредиторъ“;—такъ любилъ онъ не разъ говорить. Онъ увѣрялъ, что въ жизнь свою ни разу никому не былъ долженъ ни хеллера (S. 47).

Какъ уже упоминалось, Кантъ не мало прилагалъ и сознательныхъ стараній къ выработкѣ своего нравственнаго характера; но плодомъ этихъ усилій едва-ли не были только довольно курьезныя „правила“, да поступки, близко граничащія съ чудачествомъ. По крайней мѣрѣ, приводимые въ подтвержденіе этого примѣры почти не говорятъ о чемъ либо большемъ. По природѣ Кантъ былъ склоненъ всегда дѣйствовать по первому впечатлѣнію. Вслѣдствіе этого, ему нерѣдко приходилось попадать въ очень непріятныя или неловкія положенія. Всякій разъ послѣ этого онъ сердился на свою необдуманность и, чтобы предотвратить ее на будущее время, вырабатывалъ для подобнаго случая „максиму“ (правило), которой послѣ уже и слѣдовалъ неуклонно. Такъ какъ каждая максима пріурочивалась къ очень частному, спеціальному случаю, то неудивительно, что подобныхъ правилъ накопилось у Канта великое множество. „Постепенно вся его жизнь сдѣлалась цѣпью правилъ“, говоритъ Яхманъ (S. 48). Вотъ нѣкоторые примѣры, иллюстрирующіе сказанное. Однажды, возвращаясь съ прогулки, Кантъ встрѣтилъ недалеко отъ своей улицы графа X. въ кабриолетѣ. Графъ остановился, слѣзъ поздороваться съ Кантомъ и, такъ какъ была очень хорошая погода, предложилъ ему немного проѣхать за городъ. Кантъ, не долго думая, сѣлъ съ нимъ въ кабриолетъ, и они поѣхали. Графъ, стараясь зарекомендовать предъ Кантомъ съ лучшей стороны какъ своихъ рысаковъ, такъ и

свое искусство править, ѣхалъ довольно лихо; Канта-же, не привыкшаго къ такой ѣздѣ, это беспокоило и страшило. Проѣхавъ чрезъ нѣсколько лежащихъ близъ города имѣній, графъ предложилъ ему навѣстить одного своего друга, жившаго за милю отъ города. Изъ вѣжливости К. долженъ былъ согласиться. Въ концѣ концовъ онъ вернулся домой только въ 10 ч. веч., натерпѣвшись страха и крайне недовольный. Тогда-же онъ выработалъ себѣ правило: „никогда впередъ не садиться въ экипажъ, который не имѣетъ самими нанять и которымъ онъ не можетъ распорядиться по своему усмотрѣнiю, а также—никогда не принимать приглашенiя съ кѣмъ-нибудь проѣхаться“ (SS. 48—49). Другой примѣръ. Другъ его докторъ Труммеръ посоветовалъ ему отъ запора ежедневно принимать одну пилюлю. Впослѣдствiи, когда это стало мало помогать, докторъ Яхманъ (братъ автора) посоветовалъ ему удвоить число этихъ пилюль. Кантъ согласился, но тогда-же сообразилъ, что вѣдь, пожалуй, этому увеличенiю приѣмовъ и конца не будетъ. Поэтому онъ поставилъ себѣ правиломъ: „никогда во всю жизнь не принимать въ день болѣе двухъ пилюль“ и упорно держался этого правила, не смотря на то, что въ послѣднiе годы, по мнѣнiю врачей, ему положительно были необходимы болѣе сильныя приѣмы (S. 49). Или вотъ еще. Онъ страстно любилъ табакъ; но поставилъ себѣ за правило выкуривать въ день только одну трубку, такъ какъ не могъ рѣшить, сколько ему будетъ довольно. Если ему попадалась большая трубка, въ которую входило нѣсколько меньшихъ, то онъ очень охотно ею пользовался, такъ какъ это не было противъ правила; но выкурить вторую трубку, хотя-бы и маленькую, онъ ни въ какомъ случаѣ не соглашался (S. 50). Впрочемъ, иногда подобная вѣрность своимъ правиламъ и рѣшенiямъ получала и очень трогательный видъ. Сынъ его друга Николовиуса задумалъ основать книжную торговлю и подѣлился своими планами съ Кантомъ. Послѣднiй очень одобрилъ этотъ проектъ, и при этомъ у него сорвалось обѣщанiе, что онъ постарается быть полезнымъ его будущему учрежденiю. Впослѣдствiи Кантъ отдавалъ ему всѣ свои изданiя за ничтожную полистную плату, не смотря на то, что другiе книгоиздатели предлагали ему несравненно большiй гонораръ (S. 51).

Очень интересны воспоминанiя Яхмана о *дружескихъ от-*

ношеніяхъ Канта, составляющія предметъ 8-го письма. Эти отношенія занимали чрезвычайно крупное мѣсто въ жизни Канта. „Горячее чувство дружбы“ Яхманъ считаетъ одной изъ самыхъ выдающихся и рѣзко выраженныхъ чертъ его характера. У него было много друзей изъ самыхъ разнообразныхъ сословіи и возрастовъ. Къ нимъ принадлежалъ между прочимъ самъ Яхманъ, его братъ врачъ, докторъ Труммеръ, оберфинанцратъ Влемеръ, англійскій купецъ Гринъ, директоръ банка Руфманъ, купецъ Мотерби, профессоръ Краусъ и мн. др. (SS. 53 ff.). Но самымъ близкимъ, любимымъ и довѣреннымъ другомъ Канта во всю его жизнь былъ англичанинъ Гринъ, съ которымъ онъ сблизился совершенно случайно и довольно страннымъ образомъ. Во время англо-американской войны Кантъ гулялъ однажды послѣ обѣда въ Денгофскомъ саду и встрѣтилъ тамъ одного изъ своихъ знакомыхъ въ обществѣ совершенно неизвѣстныхъ ему людей. Онъ вступилъ съ своимъ знакомымъ въ разговоръ, въ которомъ приняли участіе и прочіе. Разговоръ быстро сошелъ на злобу дня, при чемъ К. горячо сталъ на сторону американцевъ и порицалъ англичанъ. Вдругъ къ нему подскакиваетъ съ разъяреннымъ видомъ одинъ господинъ изъ этой компаніи, объявляетъ, что онъ—англичанинъ, чувствуетъ себя оскорбленнымъ какъ лично, такъ и за всю свою націю и требуетъ удовлетворенія, т. е. дуэли. Кантъ нисколько не смутился отъ этого яростнаго нападенія, а продолжалъ развивать свои мысли далѣе, при чемъ отстаивалъ ту точку зрѣнія, что каждый человекъ долженъ обсуждать подобныя міровыя событія, какъ гражданинъ цѣлаго міра, безъ ущерба для своего патріотизма. При этомъ онъ былъ такъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ, что Гринъ, — свирѣпымъ англичаниномъ оказался именно онъ,—былъ пораженъ. Онъ вполне согласился съ идеями Канта, дружески протянулъ ему руку, попросилъ извиненія за свою вспышку, проводилъ до дому и просилъ навѣстить себя какъ-нибудь. Присутствовавшій при всей этой сценѣ купецъ Мотерби, — компаньонъ Грина по торговымъ дѣламъ,—разсказывалъ Яхману, что „Кантъ во время этой своей рѣчи казался ему и всѣмъ присутствовавшимъ какъ-бы одушевленнымъ небесною силою и навсегда привязалъ къ себѣ ихъ сердца. Съ тѣхъ поръ Кантъ и Гринъ стали неразлучными друзьями. Впослѣдствіи сравнительно

равняя смерть Грина нанесла сердцу Канта неисцѣлимую рану. Кантъ нашелъ въ Гринѣ человѣка съ большими познаніями и съ такимъ большимъ умомъ, что, по его собственнымъ словамъ, онъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ не написалъ ни одного предложенія, котораго-бы предварительно не поставилъ на обсужденіе Грина. Этой оцѣнкой Кантъ въ особенности дорожилъ, потому что Гринъ былъ человѣкъ въ высшей степени безпристрастный и не былъ приверженъ ни къ какой философской системѣ. Гринъ по своему характеру былъ рѣдкій человѣкъ, отличавшійся строгой честностью и истиннымъ благородствомъ, но съ большими странностями,—настоящій чудакъ или, какъ говорятъ англичане, „whimsical Man“,—у котораго каждый день протекалъ по извѣстнымъ неизмѣннымъ правиламъ. Гиппель для своего „человѣка по часамъ“ взялъ за образецъ именно Грина. Вотъ одинъ мелкій, но характерный примѣръ. Однажды съ вечера Кантъ обѣщалъ Грину на слѣдующій день въ 8 ч. д. поѣхать съ нимъ прокатиться. Гринъ на утро въ 8-го уже ходилъ по своей комнатѣ вполне одѣтый съ часами въ рукѣ; въ 50 мин. 8-го онъ надѣлъ шляпу, безъ 5 м. въ 8 взялъ палку и съ первымъ ударомъ стѣнныхъ часовъ, ровно въ 8, сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ. Дорогой онъ увидѣлъ спѣшившаго къ нему Канта, который опоздалъ всего на 2 минуты; но онъ не остановился и не взялъ его съ собою, потому что это было противъ условія и противъ его (Грина) правилъ. Въ обществѣ этого умнаго, благороднаго, хотя и страннаго, человѣка Кантъ находилъ такъ много пищи для своего ума и сердца, что они стали видѣться ежедневно; и въ теченіе многихъ лѣтъ ежедневно по нѣсколькимъ часамъ К. проводилъ у Грина. Обыкновенно онъ приходилъ къ послѣднему послѣ обѣда, заставалъ его спящимъ въ креслѣ, садился рядомъ, предавался своимъ мыслямъ и тоже засыпалъ. Потомъ приходилъ директоръ банка Руфманъ и дѣлалъ то же самое, пока, наконецъ, въ извѣстное время не появлялся Мотерби и будилъ всю компанію. Послѣ того они до 7 часовъ предавались интереснѣйшимъ разговорамъ. Это общество расходилось обыкновенно такъ аккуратно ровно въ 7 часовъ, что Яхманъ нерѣдко слыхалъ, какъ сосѣдніе обыватели говорили: „еще нѣтъ 7 часовъ, потому что профессоръ Кантъ еще не проходилъ“. По суббо-

тамъ они всѣ оставались у Грина ужинать. Въ этотъ день къ нимъ присоединялся еще шотландскій купецъ Гэй. Эта дружеская связь падаетъ на средній возрастъ Канта. Она, безспорно имѣла громадное и рѣшающее вліяніе на выработку его характера и сердца. Смерть Грина, помимо своего нравственнаго значенія для Канта, внесла также большія перемѣны и въ самую его жизнь. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ ходить по вечерамъ куда-либо въ гости и пересталъ ужинать, какъ-бы желая посвятить памяти умершаго друга то время какое онъ чаще всего проводилъ именно въ его обществѣ (SS. 54—58).

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
